

⁶ Нарский И. С. Диалектика в проблематике трансцендентальной аналитики И. Канта//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 6.

⁷ Reschermann A. Sprache und Metaphysik. München, 1979. S. 40.

⁸ Aschenberg R. Op. cit.; Grayeff F. Ebenda. Hamburg, 1977.

⁹ В этой связи следует отметить, что перевод этого места в третьем томе сочинений И. Канта дан не совсем верно. Поэтому мы предлагаем свой перевод, а именно: «Она (дедукция) есть демонстрация чистых понятий рассудка (а вместе с тем и всякого теоретического знания а priori) как принципов возможности опыта, их же как определяющих явления в пространстве и времени вообще, а также демонстрация их из принципа первоначального синтетического единства апперцепции как формы рассудка по отношению к пространству и времени как первоначальным формам чувственности». Этот вариант, как нам кажется, более соответствует сути дела, обсуждаемой в трансцендентальной дедукции.

¹⁰ Aschenberg R. Op. cit. S. 129.

¹¹ Hintikka J. On Kant's Notion of Intuition. London, 1981.

¹² Вержбицка А. Метатекст в тексте//Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1978.

О ЛОГИКЕ АРГУМЕНТАЦИИ В «ОСНОВАХ МЕТАФИЗИКИ ПРАВСТВЕННОСТИ» И. КАНТА

В. М. Сергеев
(Институт США и Канады АН СССР)

В настоящее время не существует недостатка в работах, посвященных анализу философии Канта. Даже по отдельным темам, поднимавшимся в его трудах, можно собрать библиотеку критической и аналитической литературы. Философская аргументация Канта, посвященная обоснованию метафизики нравственности, изучена во многих блестяще написанных работах. Стоит ли еще раз, а тем более в небольшой заметке обращаться к этому вопросу?

Это зависит от целей работы и от постановки проблемы. Можно изучать этические тексты Канта, вскрывая смысл используемых им категорий¹, можно рассматривать его философию в контексте историко-философского развития², можно, наконец, исследовать место идей Канта в рамках процессов генезиса общественно-правового сознания в Европе нового времени³. Фундаментально важным представляется исследование концептуальных предпосылок, «парадигм» философии Канта⁴. Существует и множество других аспектов изучения наследия Канта. В данной работе мы хотели бы обратить внимание на один из них, до настоящего времени очень слабо освещенный в литературе.

Какими были внутренние логические инструменты Канта? Каковы те принципы *металогики*, которые лежали в основе построения Кантом аргументативного дискурса⁵? Эта проблема слабо изучена, прежде всего, потому, что сам вопрос о принципах логики аргументации, или, если говорить шире, о «естест-

венной логике», относительно недавно поднят в научной литературе⁶. Между тем вопрос этот представляется весьма фундаментальным. В работе «Основы метафизики нравственности» Кант обосновывает ценность новой области философского знания. Какие логические средства используются им для этого? Какими путями Кант пытается онтологизировать новую область научной деятельности? В какой мере универсальными являются используемые им способы онтологизации знаний? Ответ на эти вопросы был бы полезным вкладом в создание логики естественных рассуждений, в частности, в исследовании проблемы онтологизации знания и, как нам представляется, пролил бы определенный свет на механизм творческого процесса столь крупного мыслителя, произведшего переворот в самом подходе к философскому знанию⁷.

Следует, однако, заметить, что для ответа на поставленные вопросы мало подходят интуитивные, или, если так можно выразиться, «экспертные», методы анализа текста, доминирующие в рамках историко-философской традиции. Необходим логико-лингвистический анализ⁸, ориентированный на выявление новых, нетрадиционных логических категорий. Подобный подход, в свою очередь, предполагает очень тщательный анализ текста, что трудно сделать при большом объеме исследуемого материала. Следовательно, предметом анализа должны становиться небольшие, но значимые, принципиальные фрагменты текста, конечно, с условием сохранения их внутренней целостности.

В настоящей работе будет проанализировано лишь предисловие к «Основам метафизики нравственности». Этот фрагмент текста представляется особенно важным для изучения логики работы, так как именно в нем сосредоточены основные аргументы в пользу упоминавшегося выше выделения метафизики нравственности как специального раздела философии. В соответствии с предложенной нами ранее типологией аргументации⁹ аргументацию Канта в этом разделе «Основ метафизики нравственности» следует отнести к типу «порождающей аргументации», т. е. аргументации, направленной на обоснование новой ценности. Посмотрим теперь, какие логические операции Кант при этом использует.

Текст начинается с анализа древнего деления философии на логику, физику и этику. Кант ставит проблему прояснения основ этой классификации и обоснования ее полноты. Первая фигура мысли, которую он использует, — это построение классификационной таблицы путем последовательного применения дихотомии. Им используются последовательно три дихотомии:

1. Материальное познание
(познание объекта)	— формальное познание (форма рассудка и разума и общие правила мышления)
2. Наука о законах природы
(физика)	— наука о законах свободы
(этика)

3. Эмпирическая философия — чистая философия
 (опирающаяся на осно- (строится из априорных
 вания опыта) принципов)

Предложенную Кантом классификацию можно представить в виде таблицы:

<i>Материальное познание</i>		<i>Формальное познание</i>	
<i>Законы природы</i>	<i>Законы свободы</i>	Логика	
Метафизика природы	Метафизика нравов		<i>Чистая философия</i>
Физика	Практическая антропология		<i>Эмпирическая философия</i>

Кант обращает внимание на то, что логика не может иметь эмпирической части в силу того, что она изучает «всеобщие и необходимые законы мышления», — взгляд на логику, который в настоящее время постепенно отходит в прошлое в связи с возрастающим интересом к «естественной логике» и в особенности в связи с развитием работ в области «искусственного интеллекта» и выявлением роли знания как объекта логических операций¹⁰.

Вместе с тем Кант обнаруживает незаполненную клетку в классификационной таблице: исследование «законов свободы» с помощью «чистой философии». Это дает ему возможность поставить вопрос об онтологизации новой области философии — метафизики нравственности. Отметим особо эту логическую операцию — онтологизация через заполнение пустой клетки классификационной таблицы. Впоследствии эта операция стала основой крупных научных открытий — от предсказания Менделеевым новых химических элементов до предсказания Гелл-Маном новой элементарной частицы. Используемая Кантом дихотомическая классификация — это тоже фундаментальная логическая операция, составившая стержень структурного изучения языка¹¹, а позднее превратившаяся в основной логический аппарат структурализма. Однако введению упомянутых дихотомий и построению классификационной таблицы у Канта предшествует одна малозаметная логическая операция.

Обратим внимание еще на одну особенность предложенной Кантом классификации — использование представления о законах свободы. Обоснование этого представления еще впереди и станет основным сюжетом первой части анализируемой работы. Действительно, для того чтобы говорить о «законах свободы», необходимо еще рассмотреть ряд нетривиальных понятий, в

частности, ввести логическое разделение потенциального и актуального¹². Углубленный логический анализ «законов свободы» производится Кантом во втором и третьем разделах работы — пока же «законы свободы» являются *метафорой*, дающей общее представление о том, что имеется особая форма причинности, определяющей воления человека.

Роль метафоры как средства первичного ознакомления читателя с вводимыми представлениями, а также как средства ликвидировать пустоты в научной лексике в настоящее время хорошо осознана¹³. В тексте самой работы указанная парадоксальная метафора разъясняется следующим образом: «Каждая вещь в природе действует по законам. Только разумное существо имеет волю, или способность, поступать *согласно представлению о законах*, т. е. согласно принципам. Так как для выведения поступков из законов требуется разум, то воля есть не что иное как практический разум» (4, (1), 250). Фактически через метафору вводится новое базисное понятие, новая семантическая единица, что тоже является особой операцией естественной логики.

Итак, первый шаг Канта к онтологизации развиваемых им представлений о воле — использование метафоры. Учитывая широкое признание метафоры как логической операции¹⁴, следует, однако, заметить, что для корректного определения этой операции необходимо понять ее внутреннюю структуру.

Ортега-и-Гассет¹⁵ дал чрезвычайно глубокий анализ той совокупности внутренних действий, которые стоят за метафорой. Исследуя поэтическую метафору Лопеса Пико «кипарис — призрак мертвого пламени», он писал: «Вне метафоры, во внепоэтическом мышлении каждый из этих предметов — термин, конечный пункт движения нашего сознания. Поэтому движение к одному из них исключает движение к другому. Но когда метафора декларирует их абсолютную идентичность с той же силой, что и абсолютную неидентичность, она подводит нас к тому, что мы не ищем идентичности в реальных образах этих предметов, а используем их всего лишь как отправной пункт, как знак, за которым мы должны найти идентичность новых объектов, — кипарис, который без всякого абсурда мы можем считать пламенем».

Развивая эту идею, метафору, нам представляется, можно рассматривать не как уподобление структуры или признаков объекта, а как открытие идентичности в правилах порождения образов в нашем сознании. Говоря словами Ортеги-и-Гассета, «каждая метафора — открытие закона универсума».

Использованная Кантом метафора содержит в себе, на первый взгляд, определенное противоречие, озадачивает читателя и тем самым создает некоторое внутреннее напряжение, т. е. вводит в действие механизм, который потом развертывается наподобие пружины в серию логических аргументов.

В следующем разделе текста Кант обосновывает тезис о том, что «чистую философию» целесообразно отделять от «эмпирической». Для обоснования этого тезиса используется пример: «Все промыслы, ремесла и искусства выиграли от разделения труда, когда человек не один делает все, а каждый, дабы иметь возможность выполнить свою работу наиболее совершенно и с большей легкостью, занимается определенным трудом...» (4 (1), 222).

Итак, мы видим использование экземплификации как обоснования ценностей. Что же позволяет сделать это? Рассматривая экземплификацию как логическую операцию, в структуре примера можно выделить, по крайней мере, три компонента: 1) пропозициональное содержание примера; 2) ценность (позитивную или негативную), к которой пример апеллирует; 3) средства, обеспечивающие принятие слушающим пропозиционального содержания примера (в частности, ссылки на источники, цитирование авторитета и т. п.). Примеры чрезвычайно широко используются в тексте «Основ метафизики нравственности». Интересно, однако, посмотреть, как сам Кант понимал логический статус экземплификации. Во втором разделе работы мы читаем: «И нельзя было бы придумать для нравственности ничего хуже, чем если бы хотели вывести ее из примеров. Ведь о каждом приводимом мне примере нравственности следует сначала судить согласно принципам моральности, достоин ли еще он служить первоначальным примером, т. е. образцом, и такой пример никак не может предоставить в наше распоряжение само высшее понятие моральности. Даже святой праведник из Евангелия должен быть сопоставлен с нашим идеалом нравственного совершенства, прежде чем мы признаем его таким идеалом... Подражание в нравственном вовсе не имеет места, и примеры служат только для поощрения, т. е. они устраняют сомнение относительно возможности того, что поведает закон, они делают наглядным то, что практическое правило выражает в более общем виде, но они никогда не могут дать нам право оставить в стороне их настоящий оригинал, находящийся в разуме, и руководствоваться примерами» (4 (1), 245—246).

Итак, примеры — лишь иллюстрация возможности реализации идеала. И здесь мы переходим к четвертому логическому оператору, использованному Кантом для обоснования метафизики нравственности как особого раздела философии: «Метафизика нравственности, таким образом, крайне необходима не только потому, что существуют спекулятивные побуждения исследовать источник практических принципов, заложенных а priori в нашем разуме, но и потому, что сами нравы остаются подверженными всяческой порче до тех пор, пока отсутствует эта путеводная нить и высшая норма их правильной оценки. В самом деле, для того, что должно быть морально добрым,

недостаточно, чтобы оно было *сообразно* с нравственным законом; оно должно совершаться также и *ради него*;...» (4 (1), 224).

Здесь Кантом имплицитно вводится понятие «идеального типа», мощной логической процедуры, широко использованной впоследствии М. Вебером в совершенно иной области¹⁶. Культурно-историческое развитие общества предлагается рассматривать как своего рода процесс с обратной связью, предполагающей разложение «идеального типа», в данном случае базисного этического принципа, и его постоянное восстановление через осознание и, как это поясняется Кантом в дальнейшем, «уважение» принципа. Таким образом, базисный этический принцип — «категорический императив» — становится в представлении Канта чем-то крайне напоминающим платоновские «эйдосы» — *идея онтологизируется*, приобретает статус своего рода «высшей реальности».

Нам представляется весьма важным выделить этот аргументационный ход как особую логическую операцию — операцию «конструирования идеального типа». Вообще говоря, конструирование «идеального типа» предполагает существование некоторого количества семантических примитивов — своего рода «конструктора», из которого «идеальный тип» собирается. Выделение же такого семантического примитива, как уже было отмечено выше, является особой операцией естественной логики¹⁷.

Итак, анализ текста «Основ метафизики нравственности» выявляет пять операторов естественной логики, участвующих в процессе онтологизации знания:

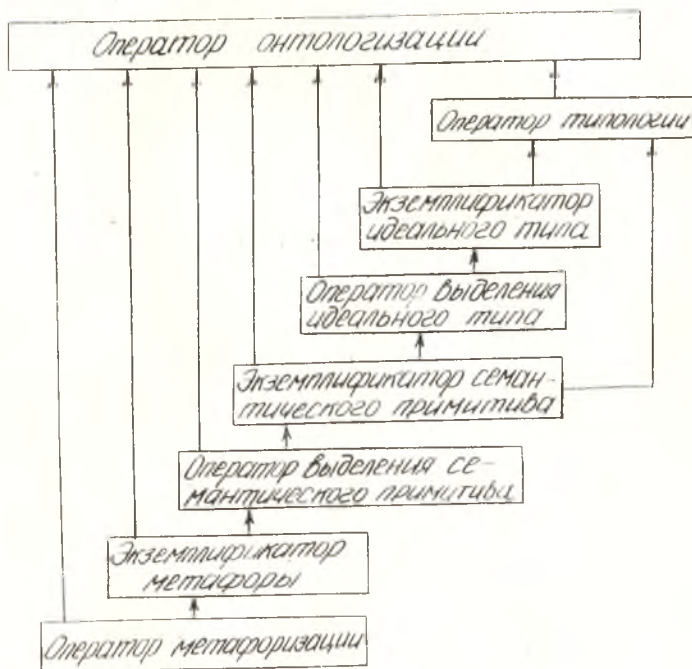
1. Оператор метафоризации.
2. Оператор экземплификации.
3. Оператор выделения семантического примитива.
4. Оператор выделения идеального типа.
5. Оператор конструирования типологической схемы.

Подводя итоги данной работы, интересно проанализировать, что же представляют собой эти конструкции и в каком отношении друг к другу они находятся. Заметим, прежде всего, что использование операторов онтологизации *радикально отличается от использования модальных операторов в формальных логических системах*. Сама их природа предполагает, что они являются существенным элементом *когнитивной системы*, т. е. системы, способной *воспринимать, трансформировать и порождать знания*.

Логику этих операторов можно представить себе только в рамках некоторой *модели когнитивной системы*, т. е. каждый из них как минимум эквивалентен весьма сложной программе искусственного интеллекта, а экспликация логической структуры этих операторов есть процесс конструирования подобных программ. Однако, прежде чем ставить непростой вопрос о мо-

делировании операторов онтологизации знания, представляется целесообразным посмотреть, в каких естественных последовательностях они могут применяться и какова, собственно, их семантическая роль. Соответственно возникают две проблемы: 1) грамматика применения операторов онтологизации; 2) взаимосвязь операторов онтологизации с прагматикой текста.

Заметим, что все выделенные операторы существеннейшим образом связаны с процессом убеждения адресата. Их комбинации создают прагматические фигуры, образуют прагматическую структуру текста, а сами эти операторы могут рассматриваться как своего рода «прагмемы», единицы прагматической структуры. Изучение грамматики употребления выделенных в настоящей работе операторов в ряде философских текстов позволяет рассматривать оператор онтологизации в виде иерархии, представленной на схеме.

Эта иерархия является иерархией доступности в том смысле, в котором это понятие используется в исследованиях по синтаксису естественного языка, т. е. высший член иерархии может использоваться только (но необязательно) после применения одного из связанных с ним нижних. Анализ схемы позволяет выделить и классифицировать прагматические тропы, что в некотором смысле возвращает проблематику исследования фи-

лософских текстов к вопросам «логики правдоподобных рассуждений», поставленным в «Топике» Аристотеля.

¹ См.: Виндельбанд В. История новой философии. Т. 2, С. 89—112.

² См.: Гегель. Собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 9. Лекции по истории философии. С. 457 и далее.

³ См.: Соловьев Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права//Философия Канта и современность. М., 1914.

⁴ См.: Брюшинкин В. Н. Парадигмы Канта: логическая форма//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 30—40.

⁵ Lakoff G. Linguistic and natural logic//Semantics of natural language. D. Davidson, G. Harman (eds.). Dordrecht: Reidel, 1972. P. 545—665.

⁶ О логико-семантической структуре дискурса Канта см.: Коппев И. Д. О логико-семантических принципах построения текста в «Критике чистого разума»//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1984. Вып. 9. С. 70—79.

⁷ О воздействии стиля мышления И. Канта на философскую традицию в Германии прекрасно свидетельствуют слова В. Виндельбанда: «...систематическая основа научной жизни оставалась по-прежнему той, какой ее создали греки — пока не явился Кант. В нем открылся новый мир мысли. Если до него другие возвышали свой голос против традиционной системы понятий, то это касалось лишь того или другого из ее отдельных пунктов. Кант дал совершенно новый мир; в нем все явилось в совершенно новом свете, он был, как сказал Жан Поль, целой светящейся солнечной системой сразу» (Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904. С. 96).

⁸ Ср. замечание Р. Дж. Коллингвуда: «...Когда мои ученики приходили ко мне вооруженные какими-то совершенно не относящимися к делу опровержениями этической теории Канта и говорили, что они вынесли их из лекции такого-то и такого-то, то мне было совершенно безразлично, было ли это плодом их непонимания чьих-то лекций или чьего-то непонимания Канта. В обоих случаях я обращался к соответствующей книге со словами: «Давайте посмотрим, действительно ли Кант это говорил». (Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 337).

⁹ См.: Баранов А. Н., Сергеев В. М. Структура естественно-языковой аргументации//Тез. докл. «Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности»/Школа-семинар «Кутаис-85». М., 1985.

¹⁰ См.: Брюшинкин В. Н. Парадигмы Канта: логическая форма//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 30—40.

¹¹ См.: Якобсон Р. К общему учению о надежде//Избр. тр. М., 1985. С. 133—175.

¹² На фундаментальное значение этого разделения для реконструкции мирозерцания И. Канта обратил особое внимание Э. Кассирер (Cassirer E. An essay on man. Yale Univ. press, 1970. P. 56).

¹³ Boyd R. Metaphor and theory change: what is «metaphor» a metaphor for?//Metaphor and Thought. Cambridge, 1980. P. 357.

¹⁴ Lakoff G., Johnson M. Metaphor we live by. Chicago. University of Chicago, 1980.

¹⁵ См.: Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия//Вопросы философии. 1985. № 10. С. 145—153.

¹⁶ См.: Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых.

¹⁷ О семантических примитивах см.: Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt a. M., 1972.

¹⁸ Кинэн Э. Л., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика//Новое в зарубежной лингвистике: Сб. М., 1982. Вып. 11.